БЕРТА

ЛАНДАУ

ПОСЕЮ НЕЖНОСТЬ –

ВЗОЙДЕТ ЛЮБОВЬ

Берта Ландау

Посею нежность – взойдет любовь

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ландау Б.

Посею нежность – взойдет любовь / Б. Ландау — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093391-4

На мосту чужого города стояла молодая женщина. Она пережила так много, что, казалось, нет уже сил справиться с новым горем. В руке ее переливалась перламутровая пуговица, тайком оторванная от плаща в бутике, – словно символ греха, последнее свидетельство бесцельной и пустой жизни. Золотилась в лучах заходящего летнего солнца река, а женщина не знала, как пережить измену мужа и что сделать с собственной жизнью. И в этот момент, совершенно неожиданно, к ней пришло спасение. Ранее книга выходила под названием «Пуговица» (автор – Галина Артемьева).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093391-4

© Ландау Б., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть I 5
Ры 5
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Берта Ландау
Посею нежность – взойдет любовь

Часть I

Ры

Высокая, стройная, длинноволосая, молодая… Дама или барышня? Сразу не поймешь, как лучше назвать. Но одно безошибочно определялось с первого взгляда даже самым не искушенным в вопросах моды и стиля случайным прохожим – неброский, но внятный шик ее облика. Таким женщинам обычно завидуют. О таких говорят, что уж у нее-то все лучше не придумаешь. Было, есть и будет. Ну пусть так себе и представляют.

Швейцарский город Люцерн в лучах заходящего летнего солнца был прекрасен. Он казался игрушечным, созданным добрым волшебником по мановению волшебной палочки: взмах – и появился крытый деревянный мост с дивными картинами на потолке и яркими цветами по бокам, ведущий к старинной башне; другой взмах – и возникли удивительные дома на берегу бескрайнего Люцернского озера, простирающегося на четыре кантона страны. Рай для любознательных туристов. То, что все сотворено людьми, их упорным многовековым трудом, понималось, впрочем, быстро: достаточно было взглянуть на окружающие город горы, на вечно заснеженные Альпы в отдалении, на мощный величественный Пилатус, у подножия которого, по преданию, был похоронен Понтий Пилат – тот самый, что не спас Иисуса Христа от распятия, хотя и мог.

По озеру плавают лебеди, десятки белых прекрасных птиц бесшумно скользят по зеленоватой воде. Глаз не оторвать от них. Мост, ведущий от вокзала в старый город, заполнен машинами и людьми. Путешественники не знают, чем любоваться в первую очередь: последними бликами уходящего солнца, глубокой водой, меняющей цвет, розоватыми вершинами гор или мощным бегом реки Ройс, именно тут и впадающей в озеро.

Никому нет дела до одинокой фигурки, застывшей в раздумье. Молодая женщина стоит на чужом мосту у чужого озера со странным предметом, переливающимся на ладони розово-фиолетово-голубыми отблесками, и пытается вспомнить то, что составляло когда-то ее счастье…

Появилась она на белый свет первой из пятерых сестер-братьев чуть больше трех десятков лет назад в городе Москве, тогдашней столице экспериментального временного государства СССР. Родители дали своему первенцу красивое имя Регина. Вполне культурные молодые родители: папа новоиспеченный хирург, мама переводчица. Поженились сразу после окончания своих престижных вузов. Думали, что по любви. Уверены были. И, естественно, возник у любви плод. Сколько же счастья было! Не описать!

Родители не могли надивиться объявившемуся в семье чуду – маленькой девочке с солнечным одуванчиковым пушком на голове. Они все не верили, что сами зародили это безукоризненно прекрасное существо, все любовались ручками-ножками, тонюсенькими пальчиками-спичками с крохотными, но совсем настоящими ноготками, по форме абсолютно папиными. Их приводили в восторг ее синие глаза, реснички, бровки… Все у девочки имелось, как и полагалось, без отклонений. И все казалось великолепным.

Потому-то и стала она Региной. Но в обиходе, с легкой руки бабушки, звалась юная королева Рыжик из-за медного отлива волосиков, быстро отросших и превратившихся уже в два года в толстую упругую косицу.

Рыжиком она так и продержалась до школы. В детсаду – Рыжик, дома – Рыжик. А в школе с меткой подачи неизменного все одиннадцать лет соседа по парте Дениски стала она зваться Рысей.

– Потому что глаза, – объяснил Денька.

Глаза, огромные, зеленые, неподвижные, если пристально во что-то всматривалась, казалось, принадлежали хищнице-рыси. Денька даже принес в школу свою любимую книгу про разных лесных зверей. Глаза большой дикой кошки и цветом, и формой точь-в-точь повторяли Регинкины.

Потом про опасную лесную зверюгу школьные сотоварищи напрочь забыли. Просто училась вместе со всеми длиннокосая девочка с крыжовенными очами по имени Рыська. Вот и все. Без всякой романтики и метафор.

До школы, однако, надо было еще дорасти. В семье постоянно происходили радостные события: один за другим рождались дети. Родителям, видно, очень понравилось рассматривать плоды любовных трудов своих и восхищаться ими. Вот они и любопытствовали – кто и какой в следующий раз появится?

К первому Рыськиному классу их, детей, было уже четверо. Сестричка Сабиночка (да-да, где Регина, там и Сабина), иначе говоря, Птича, потому что, просыпаясь раньше всех, не орала, как сирена, а кротко ворковала в своей кроватке, терпеливо ожидая, когда к ней кто-нибудь подойдет.

Родился на белый свет братик, крепкий, громадный, оручий, требовательный, с огромными кулачищами и круглым пузом. Родители назвали его Егор, а сестры позже сократили гордое имя до более сущностного – Ор. Никто и не возражал – уж очень ему подходило такое имя.

Далее возник Дай. Даниил, если официально. Но «дай» было первым его словом, первым и главным – он всегда произносил его четко, внятно и выразительно.

Затем наступило затишье. Видимо, природа предоставила возможность собраться с силами их матери и отчасти Рыське: ведь на ее плечах, сколько она себя помнила, лежали обязанности по воспитанию братьев и сестер. Старшая – значит, должна. Почему должна – она тогда спрашивать не умела. Верила на слово. Ответственность чувствовала ровно столько, сколько помнила себя. Очень хорошо понимала, что заботиться о «накормить-одеть» обязаны мама-папа, а вот «занять-научить» почему-то должна была она. Хотя чему она могла научить? Откуда брались знания, как надо и как не надо? Вообще – откуда все это берется, понимание это: хорошо – плохо, нельзя – можно? Наверное, у девчонок это в крови, в фундаменте их женской сути. Приглядеть, обезопасить, уберечь. Правда, не у всех девчонок.

У Рыси это имелось. Родителям крупно повезло. Досталась бы крикливая требовательная растрепа – вряд ли возникло бы желание продолжать в том же духе. Но им «на новеньких» попалась идеальная, понятливая и сильная духом дочка-первенец. Вот они и пользовались. Рожали себе сколько хотели. А еще интеллигентные люди. Эх, да что говорить…

Жили тогда все в нерушимом и могучем государстве, как в зоопарке: знали, что еду им подкинут в определенный час. Знали, что «клетка» обеспечена – пусть небольшая, но своя. Уверены были, что кто-то за ними и приберет, и порядок соблюдет.

Ведь зверям в зоопарке все должны – разве сами они могут что-то?

Но об этом потом. До клетки и жизни вне ее Рыська додумалась много позже. Сначала же нужно рассказать о кладовке, вернее, Кладовке. С большой буквы. Она для детей была Домом, и Защитой, и Другом, и Убежищем. И даже Храмом. Ведь в храмах люди спасают свои души. Вот они, Регина с сестренками и братишками, в кладовке и спасались. Именно там.

А спасаться было от чего, хотя жили они не в страшной сказке, а в обыденной реальности, в своей стране, в своем городе, на своей улице и все такое… Не должно, по идее, никаких волшебств случаться, если ты живешь себе спокойно, прекрасно отделяя реальное от придуманного.

Но они случались. И еще какие!

У них в семье, например, существовала страшная тайна. О ней нельзя было никому проговориться ни в коем случае. Иначе стыда не оберешься. Так говорила мама, умоляя Региночку, как самую умненькую и старшенькую, молчать и объяснять это младшим деткам.

Тайна состояла в том, что папа их умел превращаться. Он умел заботиться о них и маме, умел играть, шутить, гулять с ними, сказки рассказывать (редко, правда, но незабываемо). Он умел быть любимым, дорогим, единственным. Пока не решит вдруг превратиться.

Когда Рыська была совсем глупой и маленькой, она думала, что у папы есть такая особая заколдованная страшная мертвая вода, о которой в сказках пишут.

Она девчонкой хранила незыблемую уверенность, что папа, как Иван-царевич, однажды тоже отправился в долгий и опасный путь в поисках невесты, по ходу дела добыл где-то мертвой воды, нашел суженую (случайно повезло), после чего с этой девушкой-красавицей (их будущей мамой) и огромным запасом мертвой воды вернулся на родину, чтобы жить в реальном мире. До живой воды он не дошел, о чем тосковал, попивая мертвую воду время от времени.

Чего только ребенок не придумает, не разобравшись толком в реальном, истинном положении дел!

Правда жизни называлась очень прозаично: отец их пил.

Рыся не могла припомнить времени, когда дела обстояли иначе. Дочери впоследствии расспрашивали маму, как так получилось, что она, красивая, веселая, успешная, уверенная в себе, популярная среди друзей, умная, одаренная, связала свою жизнь с таким… человеком. Слово «Человек» произносилось с запинкой. Потому что «Человеком» отец был, выглядел и вел себя далеко не всегда. И чем дальше, тем реже.

– Я полюбила, – оправдывалась мама. – Он такой явился мне красивый. С ним всегда казалось интересно, легко, надежно. И я подумала: вот от него у меня будут дети. Красивые, умные, замечательные дети.

– И что? Ты не видела до свадьбы, какой он бывает? – не верила Рыська.

– Даже представить себе не могла. Не думала о таком. Хотя сейчас понимаю: проявлялись знаки, сигналы. Но я этих знаков не понимала, не опасалась. Хотя надо, надо было.

В их студенческие времена все пили. Поддавали, киряли, надирались, бухали, квасили – много в родном языке слов, обозначающих неприглядную вонючую сущность. Это у них считалось доблестью: собраться и напиться. Иначе скучно. А так вроде весело. И общаться легко. Программа сразу прояснялась: лихо выпить до дна, не поморщившись, а потом как-то и разговор проще складывался и – опять же – к девчонкам клеиться легче. Без лишних рефлексий. Пили если не все поголовно, то многие. С первого курса. Кого-то не очень забирало, но были такие, кто втягивался, хотя признаваться себе в этом никто не собирался. Ну, что такого, если человек в компании выпьет рюмку-другую-третью? Он что – хуже станет от этого качеством? Проспится, протрезвеет и за дела. Девчонки, кстати, тоже вполне себе позволяли. Ну правда, почему нет? Общаться – точно – легче. Многие потом выходили замуж, женились, остепенялись. Но многие, хоть и женились, остепениться уже не могли. Химическая реакция такая складывалась, что организм постоянно нуждался в алкоголе. А у некоторых полюбивших процесс вливания в себя «зеленого змия» и дополнительная опция имелась. Под названием «патологическое опьянение». Так гены у кое-кого оказывались трагически устроены.

Тут никакой не национализм или фашизм. Никаких бесчеловечных и антигуманных теорий – ни-ни-ни. Просто ученые давно установили, что представители разных народов по-раз-

ному реагируют на алкоголь, кто дольше привыкает, кто скорее, а кто и способен спиться в момент, подсесть на этот продукт так, что уж не отдерешь никоим образом.

Вот, например, малые народы Севера – все живут на алкоголе. Как машины на бензине, не могут без него, и все тут. Подсели и слезать не собираются. А и собрались бы – вряд ли бы сумели. Это такая штука – лучше не браться.

То же самое с народами угро-финской группы. Эта интересная группа представлена разнообразными и непохожими друг на друга нациями: финны, мадьяры, эстонцы, чуваши – что, казалось бы, общего? Ученые, однако, общее это нашли в устройстве их языков. А потом оказалось, что и не только в этом. К алкоголю эти народы привыкают быстрее других. И в состоянии опьянения делаются особенно непохожими на людей: буянят, теряя человеческое достоинство напрочь. И при патологическом опьянении такое вполне может начаться с одной-двух рюмок.

Там все дело в таком специальном ферменте, который нейтрализует алкоголь в крови человека. У южных народов, в странах, где растет виноград, фермент этот вырабатывается организмами местного населения в достаточном количестве. Потому в Италии, Франции и других теплых виноградных краях люди спокойно пьют на обед и ужин вино, и ничего с ними не делается.

У северных народов этот спасительный фермент не вырабатывается практически совсем. Именно поэтому если чукче, ханту, якуту три-четыре разочка нальют по рюмочке, на пятый – он, считай, уже алкоголик.

Так, бескровно, но эффективно были сведены на нет индейцы в Америке. Так – по недомыслию – уничтожены десятки народностей России, на Крайнем Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке.

У русских, а также у народов угро-финской группы этого фермента-нейтрализатора тоже вырабатывается недостаточно. Поэтому мы – в серьезной зоне риска.

В Рыськином отце как раз имелась четвертая часть этой незащищенной от алкоголя крови: дед его по материнской линии был чувашем. Внешне наличие такой примеси пошло отцу и его потомкам на пользу: он и правда был необыкновенно хорош со своими огромными карими чуть-чуть миндалевидными глазами, слегка чингисханскими скулами и смуглотой, что неуловимо присутствовало и в облике его дочерей. И кто бы мог подумать, что, кроме красоты и того, что вполне определенно называется секс-эпил, то есть мужского его обаяния и притягательной силы, унаследована им от далеких предков роковая алкогольная непереносимость? Народы огромной страны, ни о чем таком не думая, воспитанные в идеях равенства, братства и романтического интернационализма, беззаботно перенимали привычки, традиции, установки, спаривались, производили потомство…

Все они, если разобраться, стали продуктами идеологии и великого братства всех народов. В отце соединились русская, украинская и чувашская крови. В матери – русская, польская, армянская и еврейская.

То, что дети по паспорту все равно числились русскими, никого не смущало – так в те времена и ощущали: все объединились под сенью прекрасного русского языка, мощной и глубокой русской культуры. И лишь, казалось, жизнеспособнее делалось потомство в результате братства народов, объединившихся, как когда-то и предсказывал поэт, в единую семью. Казалось даже, что распри их позабыты навеки, как великий пророк и обозначил в свое время[1].

Ну как могла их будущая мать знать такое? Тогда и думать о национальных особенностях считалось делом постыдным. Кроме того, она была уверена в нескончаемой и вечной любви своего избранника. А любовь способна на многое. То есть – на все. Подумаешь – выпивки. Ради любви можно от них отказаться. Просто сказать себе: да, было дело, выпивал. А теперь

[1] Имеется в виду строчка А. С. Пушкина: «Когда народы, распри позабыв, в единую семью объединятся».

– зачем? Теперь у меня другие цели и задачи. Теперь у меня на первом плане любовь, семья, полная чаша жизни – зачем мне что-то еще?

Так казалось юной студентке Калерии, Лялечке, как звали ее мама и папа, а потом и друзья, и любимый всем сердцем муж Артем.

Да, пару раз за недолгое время их жениханья случились странные вещи.

Один раз договорились встретиться по очень важному делу.

Лялечке достался пригласительный билет на два лица в Дом кино на закрытый просмотр западного шедевра. О таком везении можно было в те странные времена только мечтать.

Ляля, естественно, позвала на это эпохальное мероприятие своего жениха. Ждала его у входа до последней минуты. Потом отправилась на просмотр одна. Тёма так и не появился. И позвонил лишь на следующее утро. Мобильных же не было, да и не у всех в квартирах домашние телефоны имелись. Артем страшно извинялся, чуть не плакал. Оказалось, товарищу стало плохо на лекции, он повез его в больницу, сидел в приемном покое, ждал, пока прояснится ситуация. А сообщить не было никакой возможности.

И правда – как тут сообщишь? Случались в те времена подобные непредвиденные происшествия, что ж. А когда вернулся домой, звонить вообще не решился – было уже около полуночи. Время-табу. В такой час домашних будоражить считалось верхом неприличия.

Ужасно жалко было ему упущенного шанса. Лялечка еще и утешала. Обещала, что при первой же возможности она опять взмолится о приглашении, толковала о том, что здоровье друга в любом случае важнее любого фильма.

В тот раз у нее не промелькнуло ни тени сомнения в том, что ее любимый говорит правду. Она вообще отличалась крайней доверчивостью.

Плохого не нюхала, так думала о своей мамочке Лялечке более опытная в нюхании мерзостей жизни Рыся.

А в другой раз, почти перед самой свадьбой, сомнения все же омрачили Лялин душевный покой.

Они договорились ехать в свадебный магазин за платьем, туфлями, костюмом и рубашкой.

Все это так просто было в те времена не купить.

В загсе после подачи заявления о желании вступить в законный брак будущим новобрачным выдавали талоны в специальную торговую точку. По этим драгоценным талонам предоставлялась возможность приобрести все необходимое. Но не всегда это удавалось сделать с первого раза. Могло не оказаться, например, нужного размера или того, что хотелось купить, или вообще могло не найтись ничего, кроме странных прозрачных пеньюаров производства ГДР. Вот и приходилось несколько раз приезжать в этот магазин, торгующий белыми и черными одеждами для брачного обряда.

Кстати, белый цвет платья символизировал понятно что – невинность девушки, ее цветение и чистоту. А вот черный цвет костюма жениха на что намекал? Тут ведь в подтексте некий траур заложен, как ни крути. Конец свободы? Так ведь и у невесты ограничения наступают. А может быть, это сигнал именно для невесты: будь начеку! беги, пока не поздно! Или уж, по крайней мере, приглядись теперь к своему избраннику попристальнее.

Короче, собрались Ляля с Артемом ехать в этот особенный магазин, так как там им в прошлый раз обещали, что именно такого-то числа поступит в продажу то, о чем они мечтали.

Ляля ждала жениха у метро минут сорок. Потом отправилась в магазин одна и, хоть и пребывала в расстроенных чувствах, обнаружила там дивное белое платье до пят. Обидно, конечно, было примерять сказочные одежды в одиночестве, тем более все остальные обладатели талонов заявились парами. Но в то же время зевать и безвольно рефлексировать не полагалось: восхитительных платьев на всех могло не хватить, надо было цепко хватать, бежать в

примерочную кабинку, быстренько переодеваться, любоваться, улыбаться своему отражению и торопиться на кассу оплачивать долгожданный дефицитный товар.

Ляля, разумеется, так и поступила, тем более что дивное платье сидело как влитое, словно на нее сшитое. В общем, она купила себе все необходимое, а Артем остался без костюма: как брать без примерки? Но дело даже не в свадебном костюме. Тревога поселилась у Ляли в груди.

Что с ним? Куда пропал?

Должно было что-то по-настоящему серьезное произойти, чтобы жених не пришел покупать свадебные наряды, тем более после нескольких безрезультатных поездок в магазин!

Ляля выпросила у кого-то две копейки и позвонила ему домой из омерзительной грязной телефонной будки. Но трубку никто не взял.

Неведомый доселе страх парализовал Лялю.

Дикая мысль пришла Лялечке в голову. А вдруг Тема раздумал жениться? Она еле доехала до дома со своими покупками, которые больше не приносили радость.

Дома по крайней мере можно было как следует нареветься. Она делилась своими тревогами с мамой. Но та тоже ничего не понимала, а верить в то, что Темочка вот так вот бросил Лялечку, категорически отказывалась.

Что-то случилось, решили обе и стали думать, как деликатно, не напугав зря родителей жениха, сообщить им о своих тревогах. Ничего не придумывалось. Как ни сообщай, получался один страх и ужас: человек пропал. По-настоящему и, очевидно, бесповоротно.

Так – медленно и тягуче – текло время ожидания самого ужасного ужаса. Тучи сгущались. Лялечка уже даже плакать не могла. Сидела в оцепенении и ждала непонятно чего.

И тут вдруг позвонила будущая свекровь. Она довольно сухо, даже, как показалось обалдевшей Ляле, неприязненно, сообщила, что Артему было плохо с сердцем, что он лежит дома и не может встать.

Вот это да!

Он же был здоров, никогда не говорил, что его что-то беспокоит! Он всегда хвастался силой!

– У него больное сердце? – с прорывающимися рыданиями в голосе спрашивала Лялечка у матери жениха. – Ему делали кардиограмму? Врач был? Можно я приеду?

Приезжать не стоило. Врач, да, был. Из «неотложки». Сказал, что нужен покой. И все. Ничего страшного. Хотя поначалу они испугались. Но сейчас он полежит, отдохнет. Обычное переутомление. Завтра все будет в полном порядке.

К телефону, конечно, Артем подойти не мог. Ему надо было лежать, понятное дело. Конечно, конечно!

Так все прояснилось. Зря она ревела несколько часов. Зря думала всякие глупости. Мало ли что бывает. Ну, поплохело человеку: сессия, их ежедневные встречи, любовь. Недаром свекровь говорила сердито. А костюм? Ну, есть еще время, купят они костюм. Был бы здоров ее миленький.

Вроде успокоилась. Утром Артем, свежий, красивый, сияющий, встречал ее у дверей института с цветами.

– Зачем же ты? – испугалась влюбленная невеста, просияв тем не менее от счастья встречи. – Зачем встал? Тебе надо лежать.

– Да все в порядке, ерунда. Так – кольнуло. Ну, мама врача вызвала. Пустяки.

С одной стороны, конечно, от сердца отлегло. Тревога рассеялась. Тут бы и обрадоваться и забыть.

Но почему-то Ляля забыть этот эпизод не смогла. Что-то непонятное проглядывало во всей этой ситуации. Что-то за этим таилось. Неразрешенные вопросы всегда внедряются в сознание и время от времени свербят. А вопросы возникали самые что ни на есть прими-

тивные, а потому и нелегкие. Почему же он все-таки не предупредил? Ведь домой-то, маме Лялечкиной, позвонить мог? Если ничего серьезного, почему не позвонил потом? Мало ли, что мама его говорила, что вставать нельзя. Но он, влюбленный, столько раз делал через нельзя! Бывало – сбегал с лекций, мчался к ней в институт и – во время ее занятий – заползал, причем незаметно для профессора, увлеченно раскрывавшего тему, в аудиторию под сдерживавшийся смех Лялькиных однокурсников, оказывался у нее под столом. А потом и выныривал рядом. Садился как ни в чем не бывало с серьезным внимательным выражением своего прекрасного интеллигентного лица, стискивал ей руку, шептал: «Соскучился. Не мог больше ждать».

Было – и не раз!

А еще – сколько раз ночами ей звонил! И почти до утра они болтали, не могли распрощаться! Лялькины родители сделали даже десятиметровый шнур к телефону, чтоб дочка на ночь аппарат забирала в свою девичью светелку, а им спать не мешала.

Артем прекрасно знал, что может позвонить. И не только может, но должен. Они же почти муж и жена. Значит, самые главные люди друг для друга. Главней даже родителей.

– Так вот: почему?

В принципе, ничего страшного, трагического, непоправимого не произошло. Вообще – ерунда. Бытовая досадная мелочь. Растереть и забыть.

Но что-то, что-то очень важное по самой сути таилось в этой мелочи, не давало покоя. Чтобы настолько влюбленный человек не позвонил, не предупредил, не почувствовал ее жутчайшую тревогу… Странно все это.

Костюм они, конечно же, купили. Прямо накануне свадьбы. Выглядели оба как принц и принцесса из сказки.

Рыся любила их свадебные фото разглядывать. Мама – прекрасная фея. Во всем облике – ожидание счастья, сияние любви. Папа – взволнованный, одухотворенный, любящий. Это даже на старом фото видно, что очень-очень любящий и почти не верящий своему счастью.

Фото не лгут.

Жизнь лгала.

Ляля долго и упорно не хотела верить в открывшуюся перед ней невеселую перспективу, которая стала ясна уже на свадьбе: ее муж странно переносил алкоголь. Удивительно, так вышло, но пока они встречались, эта тема ни разу себя не обнаружила. А ведь Ляля в этом отношении была очень и очень начеку. Ей отвратительными казались пьяные люди, она не выносила запах подвыпившего человека, расхлябанные дурацкие речи, шаткую походку, утрату достоинства.

Но на самом деле: встречались они недолго, влюбились, решили связать две судьбы в одну. Семья Артема со стороны казалась более чем приличной: потомственные врачи, профессура. Само собой разумелось, что тут опасаться нечего.

Но в жизни никогда и ничего не разумеется само собой.

Да и с какой бы стати?

Влюбленного человека ждет столько ловушек – не сосчитать!

Так хитро устроено, что влюбленные хотят оказаться в объятиях друг друга. И это все, что они хотят.

И самое последнее, к чему они стремятся, – это увидеть голую правду и поверить ей.

На этом, очевидно, и держится мир. Иначе бы люди размножаться перестали. А так – они верят клятвам, обещаниям верности, любви, надежной опоры, вечного блаженства. Знают, с чужих слов, что бывает иначе. Но всегда уверены, что их случай – другой. У них все будет так, как они себе и представляют.

В общем, до свадьбы Ляля и Артем не оказывались в ситуациях, когда надо было выпить. Прогулки, театр, кино, поцелуи, объятия… Быстро подоспело его предложение руки и сердца,

всеми со всех сторон одобренное. Его мама – видно было – радовалась и от всей души поздравляла. И бабушка тоже. Отец, всегда занятый на работе, будущую невестку видел мельком всего пару раз, но, конечно, против ничего не имел. Лялины родители души не чаяли в будущем зяте. Какие могли быть подозрения? Во всех отношениях – равный брак. Нашлись две половинки, совпали полностью. Что тут подозревать?..

На свадьбе случилось невообразимое.

После двух бокалов шампанского и традиционных «Горько!» Артем непостижимым образом превратился в кого-то другого – просто ужасного, чудовищного, отвратительного. В какую-то долю секунды! Ляля даже не успела заметить, как и почему…

Любимый новоиспеченный муж ее вскочил и, обращаясь к собравшимся, с чудовищной ненавистью произнес жуткую тираду, смысл которой (если он вообще имелся) сводился к тому, что ненавидит он всех здесь присутствующих лютой неизбывной ненавистью, что всех он тут очень хорошо запомнил и теперь им точно не поздоровится: всех обязательно отыщет и поодиночке каждого прикончит. Одним ударом. Поскольку рука его, хирурга во многих поколениях, не дрогнет.

Сказать, что гости оторопели – ничего не сказать. Все буквально помертвели. Потому что спич жениха был произнесен абсолютно трезво, убедительно и доходчиво. Ни в коем случае нельзя было подумать, что это слова одурманенного алкоголем человека.

Казалось, что монстр сорвал свою маску и теперь, только теперь, когда пришла пора, показал свое истинное лицо. И лицо это представилось более чем кошмарным.

Родственники и друзья невесты молча переводили взгляд с чистого личика их Лялечки на жесткий рот ее супруга, полный, казалось, кишащих червей, которых он, не переставая, выплевывал и выплевывал.

Семья жениха, напротив, отнеслась к его выразительной речевке совершенно спокойно.

– Извините, – жестко промолвила новоиспеченная свекровь, с силой рванула сына за рукав, выводя его из-за праздничного стола, и повела в ванную.

– Переволновался. Шампанское в голову ударило, – внятно пояснил вслед им свекор. – Бывает иногда при сильных стрессах.

Все как-то подуспокоились, заговорили, напряжение потихоньку спало…

Ляля тоже вышла из-за стола и отправилась на шум воды. Дверь в ванную была открыта. Молодая жена увидела, как мать мужа окунает его голову под струю, повторяя при этом:

– Ведь знал! Зачем пил? Ведь знаешь, зачем позоришься с первого дня?

– Мммммм! – мычал Артем. – Мммма-мма!

– Что мама? Знаешь, что с твоим патологическим опьянением нельзя ни рюмки! Мама!

Именно в этот момент Лялечка все поняла ясно-ясно. И насчет тех двух случаев с его исчезновением, и насчет «плохо с сердцем», и насчет радостной торопливости, с которой встретили известие об их намерении пожениться родные Артема. Они боялись, что он долго не продержится, проявит себя, и тогда невеста откажется от свадьбы. Они устали его стеречь и оберегать. И хотели передать его с рук на руки.

Она как-то так ясно все это прочувствовала, что даже замерзла от охватившего ее ужаса. Патологическое опьянение!

Ее подруга рассталась со своим парнем из-за этого. Не смогла терпеть, ничего не смогла поделать.

Они, помнится, вместе читали медицинскую энциклопедию, вникая в этот ужас.

Сумеречное помрачение сознания, вызванное даже небольшой дозой алкоголя, во время которого возникает искаженное, бредовое восприятие обстановки – вот что подразумевается под словами «патологическое опьянение»! Сопровождается этот ужас аффектами страха, тревоги, гнева, ярости, агрессивными действиями. Человек меняется до неузнаваемости, безобразничает, пакостит. А потом засыпает. И, проснувшись, помнит все очень смутно, а то и

вообще не помнит. И не понимает, почему вчерашние друзья отшатываются от него в ужасе и прекращают дальнейшее общение с ним. Не все, конечно, делают это сразу. Но постепенно доходит до всех. И спасение при подобном диагнозе только в одном: в полном отказе от алкоголя.

Нет смысла проклинать гены, родительское наследство – что это даст? Надо думать о настоящем и о том, как выстроить свое будущее. Другого пути тут попросту нет. Но это-то и самое сложное. Человек-то ничего не помнит. Ну, выпил лишнего, перебрал. С кем не бывает? Чего все волками смотрят? Ему бы собрать волю в кулак… Не получается.

Один важный вопрос мелькал в Лялиной голове: почему никто – ни свекровь, ни весьма дружественно настроенная бабушка мужа, ни он сам ни слова ей не сказали? Не предупредили, не предоставили право выбора. Было в этом молчании что-то нечестное, подлое, жульническое. Ведь если бы она хоть раз до свадьбы увидела Артема таким, услышала бы эти угрозы, она никогда и ни за что не согласилась бы связать с ним свою жизнь.

А что изменилось сейчас? Подумаешь: штамп в паспорте! Какая-то синяя чернильная печатка – пшик!

Однако с этим «пшиком» изменилось все. Коренным образом.

Одно дело расстаться с женихом. Пусть даже на пороге загса, но с чужим человеком. Другое дело – муж. С ним надо разводиться теперь. И что все гости скажут? И подруги? Да и сама себе она что ответит на упрек в нетерпеливости? И нескольких часов не прошло, и шанса любимому не дала, и сама, своими руками все разорвала, а ногами истоптала.

Нет, сказала она себе. Не может быть, чтоб все оказалось так плохо. Это слишком несправедливо. Это недоразумение. Я поговорю с Темой. Он даст мне слово. Честное-честное. Пусть поклянется моим здоровьем, например. И тогда уж он точно не будет больше пить. Пусть то, что он сказал там гостям, забудется, как кошмарный сон. А у нас с ним после этого все-все будет хорошо. И все позавидуют нам, потому что все у нас будет лучше всех.

Вот что значит штамп в паспорте! А вы говорите.

Ляля спокойно вернулась за стол, заставила себя улыбаться. Старательно веселила гостей. Она это тогда умела.

Потом появилась свекровь, уложившая сына спать.

– Перенервничал, – объяснила мать новобрачного. – Не каждый день женится. Не привык.

И гости дружно рассмеялись, поняв и приняв.

Свадьба есть свадьба. Всякое бывает.

Вспоминали свои свадьбы. У всех, оказывается, именно в этот день случались всякие удивительные казусы, недоразумения, размолвки, дурные знаки. А потом налаживалось, да еще как! До серебряных и золотых свадеб доживали в любви и согласии.

Вот именно!

Такая странноватая у них оказалась первая брачная ночь. Жених беспробудно спал, похрапывая. А Ляля лежала рядом в прелестной ночной рубашечке из магазина для новобрачных и удивлялась, что теперь они с мужем одни и можно все. И никто ничего не скажет и косо не взглянет. А любимый спит, и ничего ему не надо.

Да, они были одни в своем раю. Совсем не в шалаше, а в прекрасной, просторной Лялиной квартире, куда ее, новорожденную, принесли из роддома, где она выросла и стала совсем взрослой – дипломированным специалистом и замужней женщиной.

Во всяком случае, тогда им квартира казалась просто огромной. Родители Ляли, думая о будущем дочери, ухитрились заранее вступить в кооператив (что было делом практически нереальным при их избыточной площади: шутка ли – тридцать шесть квадратных метров, и это только если считать жилую площадь: две их комнаты! А имелась еще восьмиметровая кухня,

холл два на три, коридор, раздельный санузел, балкон и огромная кладовка, тоже, как и холл, шесть метров площади, хоть живи там, только окна не хватает. И все это в самом центре, окна во двор, деревья, тишина, старая Москва. При таком раскладе получить разрешение на покупку кооперативной квартиры возможным не представлялось.

Улыбнулась удача. Отец Лялечки сделал какое-то государственно важное изобретение, ну и на радостях включили его в кооперативные списки. Чудом, ясное дело. Перед самой свадьбой единственной дочери родители как раз и переехали в свой новый дивный уголок на Юго-Западе, рядом с метро «Проспект Вернадского», в двадцатисемиметровую двухкомнатную, зато с лоджией четырнадцать метров и огромной двенадцатиметровой кухней. Отцу на работу можно было пешком ходить – огромный плюс. А Лялечка оставалась хозяйкой в родовом гнезде.

– Нам столько не нужно, – стеснялась Ляля, не понимая, зачем им с Артемом целых две комнаты по восемнадцать метров каждая.

Им вполне хватило бы одной.

– Нужно, – велели родители. – Будете плодиться и размножаться. Не как мы, дураки, всю жизнь над одной доченькой тряслись. Дети – это величайшее счастье. И счастья должно быть много.

Муж проснулся рано утром, разбудил Лялю. Надо сказать, он помнил, что на свадьбе случилась какая-то гадость. Из-за него. Дословно пересказать не мог, но в общих чертах воспоминания сохранились.

Ляля восстановила скрытые услужливой мужниной памятью детали. Он схватился за голову:

– Что ж я за идиот! Ты прости меня, Ляленька! Сможешь? Очень тебя прошу, прости!

Ляля уточнила насчет тех двух случаев его отсутствия, потребовала чистой правды. Артем признался: да, был пьян. Не выдержал, напился, валялся дома в стельку пьяный. Мать прикрыла. Понимала, что иначе Ляля его бросит.

– Давно это с тобой? – расстроилась молодая жена.

– Всегда так было. Патологическое опьянение. Дед, мамин папа, тоже алкоголь не переносил, с одной рюмки несло его. Вот – мне и передалось.

– Но ты понимаешь, что тебе совсем-совсем нельзя пить? Понимаешь?

– Конечно, Ляленька, конечно. Я обещаю. Даю тебе слово, что больше в рот не возьму. Стыд-то какой!

– Это же просто опасно, – сочувственно внушала Ляля на всякий случай, уверенная, что муж, твердо и добровольно пообещав, больше уж пить никогда не будет. Зачем ему пить? У них теперь счастье. Вот они вдвоем, можно наслаждаться друг другом, не таясь, ничего не боясь, узнавать, как это – любить по-настоящему, чтоб было все-все.

Муж обещал твердо, клятвенно. Потом быстро сбегал умылся, вернулся благоухающий, красивый до невозможности, восхитился Лялиной рубашечкой в кружавчиках.

Тяжесть с души упала. Они принялись целоваться. И так им хорошо было вдвоем, что день провели в объятьях друг друга, ненасытно лаская, обнимаясь, разглядывая, как они интересно устроены, что, сливаясь, становятся одним телом, точь-в-точь подогнанным один к одному, и это единое тело не хотело ничего иного, как не разлучаться, не становиться опять половинками.

Они только к вечеру почувствовали голод, набросились на праздничную еду, заботливо убранную родителями в баночки и кастрюльки. Потом решили, что слишком долго пребывали в разлуке, испугались и немедленно восстановили целостность. Договорились даже спать так. Чтоб и во сне наслаждаться, задыхаться, стонать, вопить… Но не разлучаться ни под каким видом.

– Счастье мое! – стонал Артем в полусне. – Нежная моя девочка. Моя! Моя!

– Ты, ты мое счастье! Да. Да. Твоя! – откликалась Ляля всем сердцем, всей глубиной своей любящей души.

Долго они не могли поверить тому, что есть друг у друга. Что принадлежат друг другу по-настоящему. Неразрывно, нераздельно. Ну вот как рука или нога. У них на двоих было два сердца. Вернее, они были существом с двумя сердцами. И одной душой.

Неделю целую привыкали! Не выходили из дому вообще! Засыпали наспех, урывками. Почему-то очень боялись оставаться в одиночестве даже на несколько коротких минут. Ляле казалось, вот уйдет муж на кухню за очередной порцией еды или в туалет, и все… Сказка кончится! Что-то помешает ему вернуться. Просто паника охватывала. После двухминутной разлуки встречались, как после многодневного отсутствия, с отчаянием обретения почти утраченного счастья.

Откуда брались у них силы? Вот удивительная загадка природы! Ведь потом в добрую минуту подсчитали и поразились: они спали в первую супружескую неделю никак не больше двух часов в сутки – это если все сложить. И спали-то как! В тревоге! Как бы не упустить свое долгожданное счастье! И голова ни у кого не болела, и желание не пропадало.

Чудеса, да и только! На неделю выпали из обыденной жизни совершенно. И не скучали. Телик не смотрели, музыку не слушали. Упивались друг другом, сосредоточенно и самозабвенно.

– Ты меня любишь?

– Да. Да.

– А ты меня?

– Да.

После каждого такого «да» следовали поцелуи, объятия, ласки. Как будто первый раз признались в любви и жаждут удостовериться.

Через неделю выбрались к своим на дачу. Счастливые до невозможности. Родители, напуганные их худобой, старались, кормили, сетовали на неопытность детей в ведении домашнего хозяйства. Боялись, что так и будут теперь молодые недоедать.

Скучно было с родителями! В мелких бытовых заботах погрязли они! Разучились любить жизнь и друг друга!

Ляля и Артем убегали к речке, переплывали ее, оказывались на другом берегу, где за речными кустами начинались колхозные поля. Крестьянские посевы их совсем не интересовали. В кустах ракиты стоял шалашик, в котором так хорошо было оказаться в объятиях друг друга, вдали от заботливых предков, прислушивавшихся к каждому их движению за дощатой стеной дачного домика. В шалаше пахло сухой травой, листвой, рекой. Жизнь казалась вечной и бесконечно прекрасной.

Вот, собственно, как появилась на свет Рыся: от большой, трепетной и страстной любви. От доверия, нежности, неодолимого притяжения и переполняющего будущих родителей юного светлого счастья. Поэтому она, на свое ли счастье, на беду ли, и была так хороша собой, крепка, вынослива, неколебимо сильна духом.

Скорее всего именно там, в шалаше, в безветренный зной, под шумок веселой речной воды и зазывные крики прибрежных птиц, когда родители бездумно и жадно соединялись в своей юной любви, и зародилась ее жизнь.

Недаром сама она так любила воду, по-русалочьи, жадно любила. И глаза ее многие называли потом не рысьими, а русалочьими, затягивающими, как омут.

В минуты смятения или усталости ей достаточно было зайти в реку и поплыть против течения, чтобы сбросить с себя гнет житейских невзгод. Стихия всегда казалась ей благороднее людских игр в справедливость. Стихия умела быть беспощадной, но никогда не была мелочной. Она – или смирялась, или разила наповал.

Такие правила Рыся принимала безропотно. Именно это и было ей по плечу: сильно, благородно, бескомпромиссно.

Ах, как было бы хорошо, если б все так и шло: в любви, в трудах, в заботах о новой жизни!

Почему нельзя, чтобы именно так и было? Почему?

Это что – злой рок над всеми людьми такой? Или только над отдельно взятыми, которым положено своими слезами искупить грехи далеких предков, имен которых даже семейное предание не помнит?

И что могли эти предки сотворить такого – убить ли, предать, надругаться над чьей-то любящей душой, – чтобы прекрасная юная женщина Ляля, беззаветно влюбленная в собственного мужа и верящая в возможность долгой и честной жизни с ним, страдала из года в год, изо дня в день?

Вопрос не риторический. Очень хотелось бы узнать ответ. Потому что, если известна причина страданий, крест свой нести легче. И понимаешь хотя бы, о чьей заблудшей века назад душе надо тебе молиться, чтобы с неба снизошло прощение и отпущение.

Но ответа нет и не будет.

Небо сочувственно предлагает терпеть. Или не терпеть. Выбор за человеком.

И вот это и есть самое трудное!

Как только кончились их медовые две недели, начались будни: работа, новые люди. И еще через две недели Артем пришел домой в непонятном состоянии. То есть – во вполне понятном, просто Ляля от неожиданности сразу не разобралась. Тем ужаснее ей показалось все происходившее в тот вечер.

Он долго возился, отпирая дверь. Ляля притаилась в прихожей, чтобы сделать ему сюрприз, броситься немедленно в объятья, по которым так успела соскучиться за несколько часов разлуки.

Вот он вошел, она прыгнула к нему, чтоб он, как обычно, закружил ее, зацеловал. Но этого не случилось. Артем резко оттолкнул жену:

– Не трогай меня! Оставь! Надоело! Всех ненавижу! Одни враги кругом!

Лялино сердце ухнуло и упало. Она, конечно, все поняла. Этот запах, эти сузившиеся глаза, эта непонятная смертельная злоба… Все как на свадьбе.

Муж, не разуваясь, прошел в комнату, увидел красиво накрытый на двоих стол (Ляля постаралась к ужину) и резко дернул скатерть:

– С кем ты тут, с-ка грязная, развлекаешься?

Слова эти не убили Лялю лишь потому, что потонули в грохоте бьющейся посуды – редкой красоты фарфоровый сервиз, переходивший из поколения в поколение от бабушек и прабабушек к дочерям в качестве свадебного приданого, превратился в груду бессмысленных осколков. То, что осталось в шкафу, Ляля больше никогда и не доставала. Мама спрашивала, почему она не пользуется ее подарком. «Берегу», – скупо отвечала дочь, переводя разговор на другое.

…Отбушевавшись, Артем, прямо как был, в одежде и обуви, рухнул на кровать и заснул.

Ляля не легла рядом. Она устроилась в гостиной, на диване, убрав предварительно все осколки, клочья разорванной скатерти и остатки еды. Она лежала и думала, думала. Ей надо было решиться. Нет, сначала ей надо было понять что-то про себя, а потом решиться.

Она во время ужина как раз собиралась сказать мужу, что, похоже, у них будет ребенок. Она готовилась к радости, к тому, как побегут звонить родителям, как примутся планировать будущее… И вот теперь вместо будущего виделась ей черная дыра.

Что теперь ей полагается сделать? Прогнать мужа? Насовсем? Он же не сдержал своего слова. Обещал больше никогда не пить, а сам сотворил такое! И какова же цена его обещанию в таком случае? Можно ли ему вообще-то верить? И как теперь с ребенком? Что, если ее ребенок

будет видеть своего отца таким? Это же ужас! Катастрофа! Как она потом ребенку объяснит, почему осталась с таким человеком? И – сказать ли родным? Может, с ними посоветоваться? Может, сначала им рассказать о ребеночке? А с отцом ребеночка расстаться сразу, сейчас, пока не поздно?

Ляля думала о расставании, но наедине с собой честно понимала, что не сможет бросить мужа. Не сможет! Она его любила! Очень-очень. Ненавидела этого, второго, вселяющегося в тело дорогого ей человека, пока у него отключался разум. Так она видела, так ощущала.

Ей при этом казалось, что не все потеряно. Она понимала, скорее всего там, в больнице, куда попал на работу молодой новоиспеченный хирург, что-то отмечали, как это водится в трудовых коллективах. Он не смог отказаться, ему показалось неудобным, некомпанейским сказать «нет».

Ляля понимала…

Она тщательно продумала стратегию. Как вести себя с ним утром. Надо быть строгой. Надо почти не разговаривать. Надо, чтоб на этот раз он *окончательно* пообещал никогда не пить. Надо сказать: «Да, я вхожу в твое положение, да, ответить «нет» трудно. Но выбирай: или ты отказываешься от протянутой тебе рюмки, или ты отказываешься от меня. И от будущего нашего ребенка».

Вот как она скажет!

Ляля была твердо уверена, что придумала красиво, логично, убедительно. И, конечно, легче отказаться от рюмки, чем от любимой жены и будущего ребенка.

Рюмка – что? Пшик! Гадость!

А тут – любовь, семья, уют дома, вся будущая жизнь. И сравнивать нечего, каждый понятно что выберет.

Еще Ляля вдруг осознала, что боится за будущего ребенка: а вдруг ему (или ей) передастся этот ужас, этот алкоголизм? Что тогда? Наверное, надо как-то сразу воспитывать его, неустанно, с раннего возраста говорить о вреде, о том, что пить нельзя, показывать пример трезвости.

Много роилось мыслей в ее бедной голове. Она думала, уверена была, что от нее все зависит, что все можно поправить, изменить.

На этой молодой уверенности и держится, наверное, мир человеков.

Утром Артем со слезами на глазах каялся, просил прощения. Он предлагал ей придумать любое наказание: он готов был из окна выброситься, на полу в прихожей спать, готов был… на все… Вот что она скажет, на все то и готов.

– Только поклянись, что не будешь пить! – улыбалась уже Ляля. – Твердо-твердо, в последний раз. Иначе потом мы расстанемся. Ты не видишь себя в эти моменты. Это ужасно.

– Да, я понимаю. Это чудовищно. Я клянусь, Лялечка, любимая. Клянусь. Жизнью своей клянусь. Прости меня, пожалуйста.

Разве можно тут не простить?

Конечно, она простила.

И снова началось счастье, любовь. Тем более подтвердилось, что они уже не просто муж с женой, а будущие счастливые родители.

Оба парили на седьмом небе от счастья. Месяц прошел в образцовой любви, согласии, обоюдной заботе, мечтах, планах, трудах. Ляле повезло с работой. Ей, молодой переводчице, доверили трудиться над книгой знаменитого и популярного американского автора. Так удачно сложились обстоятельства, иначе в жизни бы ей такого заказа не видать. Труд ее прекрасно оплачивался. Никому дела не было, беременна ли переводчица или нет, хоть рожай одного за другим. Главное: работу выполни в оговоренный срок.

Идеальное стечение обстоятельств.

Артем старался в своей больнице, набирался опыта, набивал руку на не очень сложных операциях.

Хорошая, осмысленная жизнь. Что еще надо?

Но не бывает же, чтобы все шло хорошо бесконечно. Это Ляля уже начала осознавать. И даже слегка побаивалась. Ведь если опять случится с Артемом то самое ужасное, придется непременно выполнять обещанное: расставаться. Ей даже подумать об этом было страшно: уж очень хорошо им жилось вдвоем, уж очень большое взаимопонимание царило между ними. Могли полночи проговорить о прочитанной книге, о том авторе, которого она переводит, или о больных Артема.

Ясное дело, гром опять грянул. Да еще какой!

Ляля, кстати, в какой-то момент почувствовала тянущую тревогу. Будто силы кто-то высасывал из души. С одной стороны, она понимала, с чем связана ее тоска и внезапная слабость. С другой же стороны, все ее существо отказывалось прислушиваться к предчувствию.

Однако она в тот раз, ожидая мужа с работы, почему-то оделась как для выхода на улицу и приготовила сумку с небольшим количеством одежды и других необходимых вещей.

Предчувствие, к величайшему сожалению, не обмануло. Уже по тому, как муж открывал дверь, стало ясно, что предстоит расставание. Гнать Артема Ляля не собиралась. Решила: пусть побезумствует в одиночестве. Ножи и другие острые предметы убрала в шкаф, заперла, а ключ спрятала в надежном месте. Она намеревалась уехать на дачу, там спокойно поработать, отоспаться, а потом вернуться домой, в свободную уже от Артема квартиру, так как пришла ему пора понять: она не шутила, обещая расставание.

Он не дал ей выйти за дверь. Прямо с порога начал кричать, глаза налились кровью. Слова запоминать не стоило, ведь в ней жил маленький человек, которому нельзя начинать жизнь с таких слов собственного отца.

Ляля просто подхватила сумку, стараясь все же оказаться на лестнице.

– Стой, гадина! Стой! Ненавижу! Я вас всех ненавижу!

– Опомнись. Ты потом пожалеешь! – не удержалась Ляля.

И тогда он стал ее душить. Схватил ее шею своими сильными пальцами и по-настоящему сдавил. Ляля захрипела, теряя сознание.

Почему он не додушил ее тогда?

Она упала. И как раз пронзительно зазвонил телефон в прихожей. Артем побежал на звук, разбивать проклятый аппарат.

В это время Ляля, гонимая желанием выжить, каким-то чудом выползла на лестничную клетку и ухитрилась захлопнуть за собой дверь. Сумка оказалась при ней. Оказывается, она судорожно вцепилась в нее во время нападения мужа.

Ляля с трудом вспоминала, как добралась до вокзала, как села в электричку, как шла от станции к своим. Все плыло перед глазами. Она пережила такой невероятный испуг, что ни минуты не сожалела о расставании с некогда любимым человеком. Жива осталась – и слава богу.

Родители буквально онемели, увидев дочь с синяками на шее, с дорожной сумкой… Скрывать что бы то ни было уже не имело смысла. Ляля рассказала все.

В это трудно, почти невозможно было поверить, но пришлось.

– Я его посажу, – пообещал отец. – Он у меня, поганец, от наказания не уйдет.

– Ему лечиться надо. Он же хороший парень, но вот ведь что творит, – страдала мама.

Ляле хотелось только улечься, почувствовать себя в безопасности. И все. Больше ей не хотелось ровным счетом ничего. Ах да! Еще ей мечталось никогда-никогда больше не видеть Артема. Ну, чтобы он проснулся, вспомнил, что творил, сообразил, что она к нему не вернется, и уехал бы к своим папе-маме навсегда. Чтоб не было больше выяснений отношений, обещаний, всех этих «прости, я клянусь, что больше никогда…». Она теперь понимала цену

всем этим его словам. Если смотреть правде в глаза, плевать ему было на все и на всех, кроме собственных низменных желаний и побуждений. Если человек знает, что из-за чего-то может превратиться в дикого бешеного зверюгу, уж наверное, ему имеет смысл обходить это «что-то» за километр. А не вливать в себя. Почему-то диабетики не едят сладкое и мучное, понимая, как в противном случае им будет худо. Находят силы отказаться. Ради собственной жизни.

И если человек не отказывается, значит, это, именно это, причиняющее окружающим страшное зло, и есть для него самое-самое главное, самое дорогое. Он предпочитает от жены отказаться, от не рожденного еще ребенка, от спокойной доброй семейной жизни, но не от выпивки. О чем тогда говорить?

Ляля лежала, заботливо укрытая любящей мамой, и радовалась, что сейчас среди своих. Отец наскреб пятнашки на телефон (из загородных автоматов звонили на пятнадцатикопеечные монетки) и пошел к дачному правлению звонить родителям зятя. Он это дело так оставлять не собирался. Пусть отвечают за сыночка, если такого вырастили.

Ляля не возражала. Она вообще все воспринимала как в полусне.

Папа вернулся довольно скоро: очереди у телефона в этот раз практически не было. Дозвонился с первого раза, без срывов. Разговор с матерью Артема состоялся. Странный какой-то разговор. Она как бы ничего не понимала. Будто бы впервые слышала о том, как ведет себя сын, напившись.

– Такого прежде за ним не замечалось! – строго и холодно отрезала свекровь поначалу. – Это вам лучше у дочери своей спросить, что послужило поводом.

Папа Лялин опешил. Но вспомнил синюю шею дочери и быстро взял себя в руки.

– У моего ребенка мне спрашивать нечего. Мне достаточно того, что я увидел. И вот о чем я попросил бы вас: заберите своего сына из нашего дома. И если он еще раз приблизится к Ляле, я не посмотрю уже ни на правила приличия, ни на Уголовный кодекс. Снесу ему башку. Поэтому лучше разберитесь с сыном сами. Без экстремальных мер.

Вроде бы свекровь поняла. Во всяком случае, больше не изображала из себя святую невинность. Дала слово, что приложит все усилия для изменения ситуации.

Так официально и выразилась, как на дипломатическом рауте.

В результате короткой телефонной беседы отец понял, что такое с зятем случалось постоянно, что родители Артема рады были его женитьбе как избавлению от ответственности: пусть теперь жена за ним приглядывает, пусть она сражается, доказывает делом свою любовь. И речевка новоиспеченного зятя на свадьбе вспомнилась во всей красе… Эх, о чем говорить. Нельзя было так скоропалительно замуж выходить. Пару лет повстречаться, приглядеться. А то – через месяц после знакомства раз – и в загс заявление подавать. Хотя… Кто бы мог подумать? Такая семья! Сам такой… приличный, представительный, воспитанный. А оказалось как всегда: чужая душа – потемки.

Что было дальше?

Ну, дальше Ляля пожила неделю на даче. Следы от пальцев Артема на шее исчезли. Страх тоже испарился. Она радовалась августовскому солнышку, яблокам, шарлотке, которую пекла мама, своей работе, в которую все больше и больше погружалась. Одно мешало: она скучала по мужу. Да! Стоило войти в норму, отдышаться, и любовь снова дала о себе знать. Никуда она не делась, не убежала восвояси. Спряталась себе в укромный уголок души и выжидала до времени.

Мама, сама по себе, без Лялиных просьб, отправилась в Москву. Хотелось ей посмотреть, в каком состоянии квартира после всех зятевых выкрутасов. Она надеялась, что у того хватило совести хоть прибраться перед тем, как он покинул семейное жилище. Приехала она к вечеру, договорившись с отцом, что тот, возвращаясь с работы, заберет ее во дворе дома.

Каково же было ее удивление, когда она не смогла войти! Квартира была заперта изнутри! Пришлось звонить. Дверь быстро открыли. На пороге стоял Артем. Трезвый. Осунувшийся. Подавленный.

– Ты почему здесь? – воскликнула пораженная теща.

– Я… не могу уйти… Я… жду Лялю, – потупился зять.

– Ты? Ждешь Лялю? Зачем, позволь узнать? Чтобы ее добить?

– Я… этого больше не повторится. Это твердое мое слово. Я виноват кругом. Нет мне оправдания. Но я не выживу без Ляли. Не гоните.

Лялина мама прошла в квартиру. Там царил образцовый порядок. Артем выглядел несчастным – дальше некуда. Сердце ее дрогнуло, хоть она этого не показала.

– Я думаю, Ляле с тобой под одной крышей находиться попросту опасно. Мой муж сказал, что в следующий раз шею тебе свернет. Он может. Я знаю. Только мне твоя шея не нужна. Мне нужна здоровая дочка и мой собственный муж рядом, а не в местах заключения.

– И мне нужно, чтоб все было у всех хорошо. Я сам в ужасе. Я не знаю, что со мной было.

– Так-таки и не знаешь? Не помнишь?

– Смутно помню. Мама потом приехала, рассказала, что вы ей звонили. Мне пить нельзя.

– Вот и не пей.

– Я не буду. Конечно, не буду. Позвольте мне только Лялю увидеть. Просто увидеть.

– Не знаю, захочет ли она.

Пожалела Лялина мама своего зятя. Просто, по-женски пожалела. Она же лично с таким не сталкивалась. Не понимала до конца, что с ним такое. Он так искренне обещал, так каялся!

Она вернулась на дачу и рассказала дочке обо всем: и как Артем выглядел, и каким несчастным казался. Ляля обрадовалась.

В юности проблемы забываются быстро, а иллюзии услужливо заслоняют своими радужными красками любую неприглядную реальность.

На следующий день на дачу приехал Артем. Он даже не вошел на участок, стоял у калитки, ждал. Ляля подошла. Он попросил прощения. Пообещал приезжать хоть всю оставшуюся жизнь, пока она его не простит. Оставил в траве у забора сумку с фруктами и ее любимым пористым шоколадом «Слава», повернулся и пошел к станции.

Ляля смотрела на его ссутулившуюся спину и до боли сердечной жалела его, и хотела остановить. Но понимала: пока нельзя. Надо выдержать.

Она очень старалась.

Артем действительно приезжал каждый вечер.

Лялин папа негодовал, призывал выгнать подонка взашей и не верить ни одному его лживому слову. Уже нарушал – еще не раз обманет.

– Несчастный парень, – возражала мама. – Он очень страдает, разве не видно?

Ляля, естественно, соглашалась с матерью.

Наконец Артем приехал и со слезами на глазах продекламировал:

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все дерева
Со всею далью беспредельной,
Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.
И это не из удальства

Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной[2].

«Я кончился, а ты жива» – каким упреком звучали эти слова из уст измученного ожиданием и ежедневными поездками на дачу несчастного мужа. Да-да! Он там совсем один, в своих муках, в терзаниях, а она тут, с заботливой мамой, со вкусной едой, среди прекрасных душистых цветов, яблонь, елей…

Поверила.

Вернулась.

Что было дальше?

Ну, во избежание длиннот можно обозначить весьма лаконично: никакого слова искренне прощенный муж не сдержал.

Вот и все.

Что тут еще скажешь?

Если б это был один-единственный муж у одной-единственной беременной жены на всю нашу необъятную страну, который клялся перестать пить, но пил все чаще и все больше, то можно было дальше плести тонкие кружева с нюансами на тему «почему она ему поверила» и в сотый, и в тысячный раз, какие слова и стихи он подбирал…

Но тут каждая вторая читательница может вполне добавить «приправы по вкусу», так как многим из нас есть что рассказать на эту наболевшую тему.

Была еще одна странная деталь, относящаяся к вопросу «патологического опьянения» и его симптомов. Вроде, считается, люди, подверженные ему, ничего не помнят, отчета себе ни в чем никакого не отдают. А все же что-то тут не так. Потому что Артем, например, тот урок запомнил хорошо и, очевидно боясь тестя, никогда больше не поднимал на жену руку. Вот вам и потеря памяти!

Да Ляля уже не требовала от мужа совсем не пить. Она придумывала компромиссы, которые, впрочем, сводились к сущей ерунде: уж если так хочется выпить, пить дома, сразу после чего ложиться спать. Не буянить. Вот, собственно, и все настоятельные просьбы.

Но у Артема именно это и не выходило. Пил он всегда вне дома, а возвращаясь, скандал затевал обязательно. Правда, без рукоприкладства. Следовательно, какой-то контроль над собой все-таки имел.

Пока она вынашивала Региночку, пил муж нечасто, не чаще раза в месяц. Она даже научилась предчувствовать, даже точно знать, когда это с ним случится. Приспособилась. Своим ничего не рассказывала, боялась папиной реакции.

– Все у нас хорошо, – так отвечала, если интересовались.

И действительно, когда муж был трезв, все было более чем замечательно. Жили душа в душу. Пара красивая, все любовались.

Регинка, Рыжик их ненаглядный, родилась образцовым ребенком: ночами спала, вопила крайне редко, улыбалась во весь рот, гулила, развивалась с опережением. Настоящий вундеркинд. Легко она им досталась. Отец на доченьку налюбоваться не мог. Носил ее на руках и, сияя от счастья, общался:

– Агууу, Рыженька, агууу, мое золотко!

– Агууу, – таял от счастья младенец в надежных папиных руках. – Агууу.

Налюбоваться этой картиной было невозможно.

---

[2] *Борис Пастернак*. «Ветер», 1953 г.

И очень быстро получился второй результат их любви. С любовью обстояло интересно.

Ляле рассказывали рожавшие подруги, что после родов на какое-то время теряли всякое желание близости. Сразу вспоминался этот ужас, боль, возникал непреодолимый страх… Какое уж тут желание!

У них с Артемом все почему-то происходило совсем наоборот. Желание только раскрылось, только начало показывать себя, какое оно на самом деле бывает. Хотя раньше казалось, что сильней тянуться друг к другу невозможно. Оказалось – вполне возможно, да еще как! После родов полагалось сколько-то ждать, на этом настаивали врачи, приводя вполне логичные и понятные доводы. У них ждать не получалось. Едва-едва продержались две недели. Потом начался новый медовый месяц, гораздо более глубоко прочувствованный, чем тот, первый, послесвадебный.

Была у них даже фразочка, свой тайный код. Достаточно произнести: «Все. Умираю». Чем бы ни занимались в этот момент, бросали все. Кидались друг к другу – спасать. И стонали:

– Ох, наконец-то! Ну, сколько можно ждать!

– Скорее, скорее!

Немудрено, что меньше чем через год на свет появилась Птича, Сабиночка.

Рыся себя и не помнила одной, без сестры. Она так всегда и считала потом: Птичу ей Бог послал в помощь, одна бы она с парнями, появившимися следом, не управилась ни под каким видом. Парни народились командирами, нетерпеливыми крикунами. Одной двоих обуздать – куда там.

Сколько Рыся помнила, все окружающие их семейству завидовали. И правда: и родители, и дети, две девочки, два мальчика, выглядели как с картинки про счастливую жизнь. Образцовая семья, если не считать тайных отцовских превращений. А они случались вполне регулярно.

Мать не смирилась, не приспособилась. Но – все лелеяла какую-то призрачную надежду на то, что когда-нибудь муж сдержит данное слово, бросит пить. И тогда уляжется ее тревога и заживут они долго и счастливо. Если б не эта надежда, давно бы выгнала Ляля его из своей жизни.

После рождения четвертого ребеночка, Дая, Ляля почувствовала страшную, безысходную усталость и печаль.

Подумать только! Ей было всего-навсего двадцать семь годков. Иные ее подружки еще и замужем не побывали, а у нее имелся более чем полный комплект, требующий постоянной заботы, внимания, ухода. И – пьющий муж, о чем она не говорила никому, даже родителям. Просто закрылась напрочь. Только дети и знали, что происходит вечерами в их доме. Не каждым вечером, конечно, нет. Но каждую неделю уж точно.

Короче, что считать?.. Им вполне хватало.

У Ляли и у детей выработались определенные ритмы-предчувствия, когда предстоит им спокойный добрый семейный день, а когда грядет ужас. Собственно, самыми хорошими, надежными и стабильными периодами обычно можно было назвать первые три дня после очередной жесточайшей пьянки отца.

Дело в том, что после удара по семейному счастью у него наступал недолгий период раскаяния. Он не стыдился просить прощения – напротив: просил его трогательно, униженно даже. В эти три дня Артем являл себя как подлинное совершенство: заботливый муж, добрый и внимательный отец, прекрасный семьянин и хозяин дома. Он испытывал острую необходимость, потребность в чистоте, наводил порядок, мыл кухню, ванную, пылесосил все углы. Возможно, связано это было с желанием уничтожить следы очередных разрушений, произошедших в период «беспамятства». Именно так, в кавычках, с некоторой долей иронии произносила про себя это слово Ляля. За годы наблюдений она сумела сделать вывод: помнил ее муж доста-

точно, чтобы кое в чем держать себя в руках. Так, например, в любом состоянии он больше не дерзал поднять на нее руку. Значит, всерьез воспринял угрозу Лялиного отца. И запомнил ее.

Только слова шли с той поры в ход.

Но что это были за слова!

Их бы забыть. Но они-то как раз и отличались редкостной липкостью.

Ляля уже согласна была на регулярные пьянки Артема. (Хотя, если взглянуть правде в глаза – кто спрашивал ее согласия?)

– Пей, – говорила она. – Пей, но только, умоляю, дома. И сразу после этого ложись спать. Не буянь. Почему обязательно все крушить, всех оскорблять, пугать, скандалить? Выпей и ляг спать. Если иначе не можешь, не обещай бросить пить. Просто старайся отравлять нашу жизнь по минимуму.

Естественно, в трезвом состоянии добрый любящий муж обещал.

Увы… После заветных трех дней семейной идиллии наступала пора некоей напряженности. Это чувствовали все. По чуть-чуть. Вот уже улыбка сползала с лица отца семейства. Вот уже отказывался он помочь с домашними заданиями кому-то из детей. Вот уже требовал оставить его в покое, не мешать отдыхать.

И значило все это одно: скоро грянет буря. В какой точно день – это они угадать не умели. И потому случалось все каждый раз совершенно неожиданно. Ну, почти неожиданно. Некоторые знаки имелись.

У Ляли, например, начинало ныть сердце. Ее вполне здоровое и надежное сердце почему-то тревожно ныло именно в те вечера, когда Артем напивался. И ничем эту странную боль устранить не получалось. Ни каплями, ни самовнушением, ни играми с детьми, порой веселыми и самозабвенными. Сердце ее, словно дикий зверь, чувствовало приближение бури. И она непременно происходила.

Почему-то мужу необходимо было высказаться в пьяном состоянии, обличить Лялю в жестокости, в ненависти к нему, в том, что она замуж за него не по любви вышла, а по расчету.

Хороший расчет! Хорошая нелюбовь! По расчету поселить Тему в своей квартире. По расчету работать днем и ночью, зарабатывая больше супруга. По расчету родить четверых прекрасных детей, которыми не нарадуешься, до чего хороши, здоровы, красивы и добры.

Но что пьяному докажешь? Что тут поделаешь?

Ляля, как и ее мама, повторяла про себя: «Несчастный человек. Он так страдает. Я должна ему помочь. Он же без меня пропадет».

И все брала с мужа обещания, что он больше не будет, все заставляла поклясться. И главное: все верила и верила клятвам – вот что удивительно.

Ни Ляля, ни дети не догадывались в те времена о том, что страдают болезнью, навязанной им собственным мужем и отцом. Если алкогольная зависимость признана немочью, то и зависимость жизни целой семьи от алкогольных циклов одного из ее членов – это тоже симптом. Признак нездоровья.

И название есть у этого недуга: созависимость.

Недуг этот способен всерьез подточить силы и надежды на будущее тех, кто им страдает. Ведь все члены одной семьи пребывают в едином энергетическом поле. Состояние одного обязательно и непременно влияет на состояние всех.

Это и есть созависимость.

Впрочем, как ни называй, ничего хорошего.

И все-таки, как бы там ни было, папу они любили.

Ну, ощущался временами сильный дискомфорт. Ну, кричал, спать мешал… Привыкли кое-как. А любить – любили. И радовались, когда он приходил с работы. Дом сразу оживал.

Пока не настал день Икс.

Вернее, как обычно, вечер.

Этот решающий вечер Рыся запомнила посекундно. И с него, с того вечера, пошел другой отсчет – время ее нелюбви к собственному отцу. Неуважения, отчуждения, презрения.

У других – Птичи, Ора и Дая – она не спрашивала. Молчала об этом. Но про себя знала точно: у нее началось именно тогда.

Случилось вот что.

Как раз в семье после четырехлетнего перерыва ожидалось пополнение. Рыся и Птича ходили во второй класс. Их вместе отдали в школу, хотя по возрасту Птича еще считалась маленькой, но, повторяя все за старшей сестрой, она к пяти годам бегло читала, бойко считала, так что вполне годилась в первоклассницы. И так было гораздо удобнее. Утром сестры отводили братьев в детсад и шли себе в школу. Сидели, правда, за разными партами. Так решила учительница. Выглядели они почти как близняшки, Птича только ростом была чуть пониже. А так – почти одно лицо.

Родители решились на пятого ребенка, хотя в семье имелся полный комплект: два М и две Ж. Вроде больше некуда.

Но они к тому времени стали ощущать тесноту. Все же, как ни крути, а две комнаты площадью тридцать шесть метров – это маловато для шести человек. Но на очередь для получения большей квартиры их не поставили. Сказали: по правилам на человека положено пять метров. А у вас целых шесть! Много! Не положено.

Правила в те времена отличались суровостью. Никого не интересовало, что многодетная семья никак не может полноценно жить в двух комнатах.

– О чем вы думали, когда рожали? – спрашивали Лялю, когда она пыталась говорить о человеческих правах в учреждениях, где решали жилищные вопросы.

Ну, все как обычно: в газетах призывали улучшать демографическую ситуацию. На деле – все плевать хотели.

И вот тогда созрело у родителей решение: родить еще одного маленького. Тогда получится, что у них будет по 5 метров площади на человека. Но если точно считать, то выходило-то все равно больше, потому что если 36 разделить на 7, получалось 5,14…

Они наивно не учли, что квадратные сантиметры, да что там сантиметры – миллиметры, тоже придирчиво считались советской властью.

И вот эти сантиметры, само собой разумеется, объявили излишками жилой площади. Так что ничего у них не вышло, кроме замечательного маленького мальчика, родившегося чуть раньше срока, но оравшего не хуже Ора. Только более тонко, пискляво. За что и получил семейное имя Пик. А так-то назвали его Николаем.

В то время, о котором пойдет речь, Пик еще находился у мамы в животе. Хоть в этом ему повезло.

Отец, как водится, выпил. Но странность именно этого происшествия заключалась во внеурочности выпивки. После предыдущей прошло всего два дня. Семья потихоньку отходила и умиротворенно наслаждалась отдыхом. Но тут, как потом выяснилось, вмешался случай.

Артему незадолго до этого домой позвонил институтский приятель, ставший военным врачом. Служил он пока в небольшой медсанчасти, зато в самой Москве, планы лелеял грандиозные, мечтал о ведущем военном госпитале. Договорились встретиться семьями. Обменялись рабочими телефонами. И через пару дней раздался звонок в хирургическое отделение. Приятель заступил на дежурство по части, скучал, звал друга повидаться, не дожидаясь семейных застолий. Просто сесть и пообщаться по-мужски. Воинская часть находилась в двух остановках метро. Почему не съездить? Ну, на час позже домой вернется, справятся без него, ничего. Артем и поехал.

Естественно, приятели выпили по чуть-чуть разведенного спирта из богатых запасов медсанчасти. Вид однокурсника, некогда вполне гражданского разгильдяя, поражал воображение:

в полном военном обмундировании, с портупеей (как и полагалось на дежурстве по части), он выглядел героем военных времен. Особенно выразительной казалась темно-коричневая кобура на поясе.

Перехватив взгляд Артема, бравый вояка похвастался:

– Смотри-ка, что выдают, когда на вахту заступаешь.

Он расстегнул кобуру и ловко достал пистолет.

Вид настоящего оружия завораживал. От небольшой черной железяки шла огромная злая сила, внушающая страх.

– Слушай, будь другом, – проникновенно попросил выпивший Артем, – дай мне эту штуку на полчаса.

– Да ты что? Не положено, – испугался дежурный офицер.

– Мне только домой съездить, жене показать. Изменяет она мне, – грустно посетовал отец большого дружного семейства.

– Уверен? – строго потребовал ответа друг.

– Бабы. Сам понимаешь. Им верить нельзя. Пусть бы увидела и поняла, что я с ними со всеми сделаю, как этого ее чмыря найду.

– Далеко ехать? – лихо поинтересовался нетрезвый собеседник.

– Минут десять, если машину быстро словлю.

– Вдвоем съездим. Возьмем «уазик» и смотаемся. Ты ей пистольник покажешь, а я за дверью постою. Мне так спокойней. А показать надо. Чтоб знала. Ишь ты – чего удумала.

Дежурный офицер в сопровождении хирурга известной московской больницы не очень твердой поступью направились к уже ожидающей их у ворот части машине.

– На полчаса отлучаюсь. Смотрите мне. Всех пускать, никого не выпускать, – скомандовал капитан медслужбы.

Они отправились.

Доехали – быстрее не бывает. Даже не за десять, а за семь минут.

– Я ж говорил – близко! – весомо отметил Артем.

Он вошел в собственный подъезд, как партизан Великой Отечественной.

У самой двери соратник вручил Артему боевое заряженное оружие.

– Ты там поосторожнее, – предупредил. – Штука стреляет наповал. Просто покажи, и все.

– Я покажу! – пообещал глава семьи. – Я им всем сейчас покажу. Они увидят. Да и ты заходи, чего там. Что за дверью-то стоять.

– Ты мой гость. Я тебя уважаю. – Эти слова уже слышали все домашние: и мама с Пиком в животе, и Рыся, и Птича, и Ор, и Дайка. Они выбежали в прихожую, услышав, что папа дверь открывает, не ожидая, что вернется он пьяным. Напротив – по семейным циклам, все должно было быть интересно и весело именно сегодня.

Интересно было. Весело – не очень.

Рыся запомнила все по секундам.

Они до прихода отца веселились. Мама ставила любимые пластинки, которых у нее было множество: привозили друзья со всех концов света, зная ее вкусы. Как раз завели Рысину любимую: «Abbey Road». Рысе нравилось рассматривать конверт, на котором по дорожной зебре шли битлы – один красивее другого. Сначала Джон Леннон весь в белом, потом Ринго Старр, за ним красавец Пол Маккартни в строгом черном костюме, но босиком, потом Джордж Харрисон.

Рыся мечтала об этой улице, о Лондоне, о битлах (одного из них уже не было в живых, о чем им только что рассказала мама – странное совпадение, Рыся потом это отметила)[3].

[3] Речь идет о Джоне Ленноне (9 октября 1940 г. – 8 декабря 1980 г. Он был застрелен пятью выстрелами в спину в арке своего дома в Нью-Йорке).

Мама как раз удивлялась, что вот Джон идет первым – как будто в вечность. Первым и ушел.

Мама всегда говорила с ними, детьми, как с друзьями, как с равными. Уверена была, что они ее понимают. Они и понимали. Слушали, горевали о Джоне. Речь шла о странном завершении его земного пути. Последняя его фотография запечатлела как раз тот момент, когда Леннон дает автограф своему будущему убийце. На фото двое: Джон и его смерть. Джон – худой, мрачный, усталый. Смерть, принявшая облик человека мужского рода, добродушно улыбается вполне симпатичной улыбкой. Позднее убийца скажет, что совершенно не понимает, почему он тогда совершил такое. Взял автограф и ждал возвращения своего кумира, чтобы погасить в том искру жизни.

И правда – зачем?

В тот момент, когда папа отпирал дверь, заиграла «Here Comes The Sun». Такая миленькая радостная песенка!

– Про солнышко, – сказала мама и погладила Рысю и Птичу по макушкам.

И тут уж все побежали встречать отца.

Первое, что увидела Рыся, выскочив в прихожую, было дуло пистолета.

– Ляля! Здравствуй! – послышался очень торжественный и зловещий голос папы.

Говорил он размеренно и весомо, как всегда, когда был пьян.

– Здравствуй, Ляля! Я привел к тебе гостей!

И правда: за его спиной маячил какой-то военный.

Все это, впрочем, было совершенно не важно.

Главное было: дуло. Из него пристально и серьезно смотрела смерть.

Все как-то соединилось в одно: Джон Леннон, обложка Abbey Road, улыбающийся убийца справа от своей жертвы на газетной фотографии, чудесная песенка, беззаботно звучащая со стороны комнаты родителей, и все они, завороженно молчащие перед реальной угрозой.

Это – секунда номер один. Или даже доля ее.

Мама опомнилась первой. Она мгновенно распахнула правой рукой дверь кладовки, а левой подтолкнула Птичу, оказавшуюся совсем рядом с ней:

– А ну-ка, быстро все туда!

Рысе показалось, что она и шагу не сможет ступить. Ноги ощущались совсем будто ватные, как в страшном сне, когда порываешься бежать, а вязнешь в чем-то липком. Но – секунда, и они все уже были в убежище. Свет там включался изнутри, но почему-то страшно было его включать. Тьма казалась дополнительной защитой.

– Стреляй, – послышался спокойный голос мамы. – Стреляй, не промахнешься.

Тут, наверное, военный гость увидел ее живот, в котором подрастал братец Пик.

– Да ты мудак конченый! – услышали дети в темной кладовке чужой мужской голос.

Последовал звук удара и бормотания отца:

– Пусти, ты ее не знаешь… Да подожди ты, дай я объясню… Она сейчас сама скажет, с кем гуляет…

– Отойди от греха… А то я тебя, мудозвона, сам пристрелю, – говорил с усилием дядька в форме.

Видимо, отнимал у отца оружие, так догадались дети.

Потом протянулось несколько секунд полной тишины.

– Пусть он уйдет с вами, – попросила мама.

– Да куда ж я его дену? А впрочем… Пошли, давай.

Послышалась возня с дверью.

– Извините, – произнес гость последнее прощальное слово.

Замки звучно защелкнулись.

Ляля и дети наконец-то остались одни.

Песня все еще продолжала звучать…

– Тара-рара-пам, тарара-пам, тарара-рара. Тара-рара-пам, тарара-пам, тарара-ра…

Дети тихонько выползли в коридор.

Мама сидела на полу, прислонясь к стене, откинув голову.

Она не плакала. Ей нельзя было. Дети и так были напуганы.

Она просто сидела с закрытыми глазами, собираясь с силами.

Вот и все.

Они даже не обсуждали это событие.

А о чем говорить?

Птича слышала поздно вечером, как мама говорила с бабушкой, той, отцовской матерью. Как она просила:

– Заберите, пожалуйста, своего сына. В следующий раз он убьет нас всех. Я уже и не против. Но детей жалко.

Бабка, видимо, уговаривала, убеждала.

– Я в последний раз своим родителям не расскажу. В самый последний раз. Но больше я не смогу молчать. Поймите меня.

Ничего никто не поймет, это Рыся очень четко осознавала. Спасаться надо самим. И все тут. Она именно в тот вечер твердо решила, что никогда не выйдет замуж и никогда не родит ребенка. Это – нельзя. Ей бы этих вырастить. А самой – ни-ни! И думать не смей!

Ей было восемь лет. Она чувствовала себя совершенно старой.

Мама перед сном закрыла дверь на задвижку. Впервые за всю ее жизнь с мужем. Она еле ходила, ее шатало от навалившейся усталости.

У Птичи почему-то поднялась температура. На ровном месте, без кашля и насморка. И ничего не болело, просто горела, 39,6.

– Невроз, – сказала мама.

Она уложила Птичу к себе в кровать, улеглась рядом.

Рыся тревожилась.

– Иди спать, Рысенька, завтра в школу, – попросила мама.

– Ты его потом пустишь? – спросила о главном старшая дочь.

– Не знаю. Не уверена. Если только зашьется. На слово больше не поверю, – слабым голосом рассуждала, как с самой собой, мама Ляля.

– Может, уж и не пускать?

– Посмотрим.

Рыся поняла: пустит, куда денется. Ее право.

– Тогда отдай нам кладовку. Мы там будем жить. Когда он напьется, мы все будем там закрываться. Разбирайся с ним сама. Эти еще маленькие. Им расти надо. Нечего им на такое смотреть.

Мать лежала в кровати бледная, почти как подушка под ее головой. Птича рядом тяжело дышала, всхлипывая во сне. Рысе жалко их было неимоверно. И в животе ведь у матери подрастал сейчас еще кто-то! Как ей вытянуть всех их! Она впервые растерялась.

– Рысенька, сделаем, как ты скажешь. Все сделаем. Иди спать сейчас.

Она-то ушла. Только всю ночь лежала с открытыми глазами, потому что стоило их закрыть, как отчетливо возникало перед внутренним зрением проклятое железное дуло.

Утром Рыся отвела парней в садик. Потащилась в школу. Одна, без Птичи. Та лежала и горела себе. Сжигала тягостные воспоминания.

Рыся попросила учительницу не вызывать ее сегодня к доске, сказала, что плохо чувствует себя из-за болезни сестры. Поскольку учились они обе только на отлично, просьба ее была уважена полностью. Рыся сидела как оглушенная, не слушая, что происходит в классе.

Денька, верный друг, понял, что дело серьезное. Даже подсказывать не просил как обычно.

Из школы они, как повелось, возвращались вместе, всегда втроем, а теперь вот вдвоем. Денька жил в их же доме, только они во втором, а он в десятом подъезде. Удобно. Он и играть к ним приходил, когда отец многочисленного семейства был не пьяный. Любил Денька играть с отцом Рыси. Про своего не распространялся, хотя он у него имелся. Мальчик из полной семьи, вполне благополучный ребенок – так про него мама какой-то подруге говорила, Рыся слышала.

Двое благополучных детей шли домой, смертельно усталые, хотя еще не прошло и полдня их долгих детских суток.

– У меня отец вчера домой с пестиком пришел. С настоящим, – проговорила вдруг совершенно неожиданно для самой себя Рыся. – Хотел нас всех убить. Так сказал.

– Пьяный? – уточнил Денька.

И все им стало понятно. Без лишних слов.

Про их собственные благополучные семьи.

– Твой пьет? – на всякий случай поинтересовалась Рыся.

– Ужасно. Каждый день почти. А твой?

– Не каждый день. Сам знаешь. Но когда пьет, лучше его не видеть.

– Бабушка тоже про нашего говорит, что лучше бы мне не видеть. А то вырасту, стану как он.

– А ты? Станешь? Будешь пить? – оживилась Рыся.

Этот вопрос ее очень беспокоил. Она говорила себе, что не переживет, если Ор и Дайка, став взрослыми, будут вести себя как их папаша. В этом случае все ее старания сейчас лишены смысла.

– А ты? – внимательно глядя на нее, ответил вопросом на вопрос друг.

– Я? Конечно нет! Чего меня спрашивать: девочки не пьют, – самоуверенно хмыкнула Рыся. – Ты про себя лучше скажи: ты – будешь?

– Девочки не пьют? – крикнул ожесточенно Денька и наподдал со всей силы ногой пустой пластиковый пакет, валявшийся посреди дороги. – Девочки не пьют…

Рыся с ужасом увидела, как по щекам его поползли слезы. Крупные, одна за другой. А Денька не плакал никогда.

Они сидели в своем дворе у песочницы. И не то чтоб говорили нескончаемо. Нет. Рыська ужасно устала от бессонной ночи. Денька – от годами сдерживаемых слез, которые накопились и пролились только что сами собой. Он не плакал. Слезы лились по их собственной воле. Как вода из протекающего крана на кухне.

У Деньки дома все выглядело ужасно. Все само собой разваливалось, плесневело. Потому что в их доме не было ни хозяина, ни хозяйки. А он еще не вошел в силу. Ему еще лет восемь нужно, чтоб молодым сильным парнем стать и взять все в свои руки.

Денис хорошо помнил время, когда родители жили как все. Ну, почти как все. Отец работал инженером на заводе. Мать – на том же заводе бухгалтером.

Все у них тогда было. Семья, сын. Потом батя стал поддавать, все чаще и чаще. Не буянил. Просто напивался и много пропивал. А мать все его уговаривала пить дома, культурно. Чтоб друзья не обирали как липку. Он все понимал, соглашался, но… Не получалось у него, чтоб дома. Ему хотелось с друзьями, в компании расслабляться. Ну правда! Ну не одному же пить! Это уж конец света полный. На фига такая жизнь, как говорится.

И тогда мать решила действовать по-умному. Как настоящая жена-подруга. Она сказала:

– Тебе нужен друг, чтоб выпивать? Да? Вот: я твой друг! Давай пить вместе.

Она была уверена, что будет выпивать одну рюмочку за компанию с мужем, а потом сидеть с ним, вести долгие задушевные разговоры за бутылочкой. Потом он устанет и ляжет

спать. И она вместе с ним. Цена вопроса – 3 рубля за вечер. Ну, если пить даже каждый день, все равно получается 90 рублей в месяц. Половина от мужниной зарплаты будет оставаться железно. Точный расчет. Прямая выгода.

Муж удивленно согласился. И правда: никаких проблем. Все под контролем. Сынишка ходил в заводской детсад-пятидневку. Удобно. В понедельник отвозишь пацана, а забираешь в пятницу вечером. Он там обучен, накормлен-напоен, присмотрен. Даже английским там с ними занимаются, на пианино учат. Что еще надо?

А они с матерью культурно и полюбовно отдыхают себе вечерами. Пьют и закусывают. И наговориться не могут. Хорошо!

Даже умудрялись по выходным почти не пить, чтобы парнишку сводить в зоопарк или в планетарий. Наряжались и шли – не хуже других, а во многом и лучше. Дружная семья, без скандалов, вранья, утаивания заначек.

Все путем.

Идиллия длилась около года.

Потом качество посиделок не ухудшилось. Нет! Ни в коем случае. Изменились потребности в количестве. Одной бутылки на вечер стало почему-то катастрофически не хватать.

Что такое? Недоливали, что ли, на винзаводе? Или что?

Они уж выцеживали бутылку до последней капли – ну, не хва-та-ло!

Дело в том, что жена, начав пить вместе с мужем, хорошо втянулась. И пила не рюмочку за вечер, как первоначально задумывалось, а вполне на мужском уровне.

Не хотела отставать. И совершенно не осознавала, что у нее начались проблемы, причем очень серьезные.

Она теперь нуждалась в алкоголе. Торопила мужа домой, жадно тянулась к стопочке. По утрам испытывала жуткое похмелье.

Все это ребенок особо не замечал, находясь на своей пятидневке. Тем более что часто на выходные его забирали деды-бабки то с той, то с другой стороны.

Хорошее было время! Счастливое! Он всех любил и уверен был в правильности их жизни.

Потом началась школа. Тут уж никуда не деться: пришлось мальчика отдавать в ту, что рядом с домом. Такое у них везение крупное: школа считалась одной из лучших в столице, с двумя иностранными языками. Ездить никуда не надо. Иди себе пешком, даже дорогу не переходи. Соседний дом – вот тебе и школа.

В пятидневке привили хорошее: вещи ребенок складывал перед сном аккуратно, портфель в школу собирал с вечера, вставал, умывался, чистил зубы, делал зарядку, одевался во все чистое: рубашка, трусики, носочки, брючки.

Поди еще такого поищи – чудо, а не ребенок. Единственно, что сам не мог (пока) – завтрак приготовить. Этому их в детском саду не учили. Промашка такая. А родители никогда не завтракали. Им еле сил хватало встать, кое-как собраться и на работу.

С завтраком Денька приспособился сам, когда понял, как дела дома обстоят. Покупал загодя пакет молока или кефира, булку – вот и завтрак. Обедал в школе. Вечером тоже молоко с булкой.

Все бы ничего. Но вечерами дома оставаться он не хотел. Уж слишком родители теряли человеческий облик. Страшно смотреть. В редкие минуты их трезвости сын уговаривал маму не пить. Она все понимала, обещала, но поделать с собой ничего не могла. Отцу тоже не нравилась пьющая жена. Он так и говорил каждый вечер, подливая ей водочки:

– Пьющая мать – горе семьи! – И смеялся заливисто.

Ребенок понял: надо принимать меры.

Во время одной вечерней родительской пьянки он позвонил бабкам-дедкам. Те примчались, ужаснулись, пристыдили своих взрослых, мало что понимающих детей, прибрались в

доме и свалили спать в свои гнезда. Не поняли ничего! Тогда Денька стал звонить каждый вечер. И каждый вечер приезжал кто-то из старших, негодовал, стыдил, кормил внучка ужином… Но поделать уже ровным счетом ничего было нельзя.

Родители пили!

Наконец повезло. Небо сжалилось над первоклассником.

Отца хватил инфаркт. В тридцать семь лет! Но дело не в этом. Везуха заключалась еще и в том, что прихватило его на рабочем месте, во время трезвости. Потому к состоянию его отнеслись с должным вниманием и сочувствием.

Схватился он за сердце, скрючился. Коллеги, естественно, мгновенно вызвали врача из их заводского профилактория, та все сообразила, вызвонила «Скорую». Примчались мгновенно. Госпитализировали.

Вы́ходили. Вернули с того света, так объяснили ситуацию. Мать, которая, естественно, присутствовала и при начале сердечного приступа (ей, в бухгалтерию, позвонили сразу после вызова доктора), и в машине «Скорой помощи», и в больнице, наконец-то все поняла и про себя, и про мужа. Поняла, что дошли они до точки. И если не прекратить пить, ребенок их останется сиротой.

Пить отцу запретили. Строго-настрого. И пить, и курить. И чудо: он перестал. Напугался, видно, по-настоящему. Ему надо было потихоньку приходить в себя, жить здоровой жизнью, поправляться, выходить на работу. Так он и пытался жить теперь.

Только мать привыкла к выпивке окончательно, насовсем. Она бросить не могла. Рыдала, каялась, но уже не могла никак.

Отец велел ей лечиться. Иначе он уйдет. У него словно глаза на всю их жизнь открылись. Он теперь видел весь ужас их существования: пили, как свиньи, при малом сынишке. И во всем прозревший муж винил собственную жену: она, она устраивала эти ежедневные посиделки. Она!

Всего не расскажешь. Да и зачем?

На сегодняшний день ситуация обстояла так: первые в жизни школьные летние каникулы, перед вторым классом, Денька все три смены находился в заводском пионерлагере. Хорошо провел лето, в кругу бывших своих детсадовских друзей, где его уважали за многочисленные таланты, а также за силу и справедливость.

Отец приезжал к нему в родительские дни, привозил книжки, гостинцы. Трезвый. Мать не была ни разу. Лечилась.

Отец окреп, похудел, поседел. На сердце не жаловался. Мать вроде все осознала, старалась-лечилась.

Денька успокоился. Счастливое лето медленно катилось к концу. Он уже заскучал по школе. Гербарий собрал. Даже не один, целых три. Себе и Рысе с Птичей. Он любил с ними дружить. Домой к ним приходить, играть с парнями-братьями, которые его слушались как старшего. Им гербарии пока не требовались, в детском саду не спрашивают. А в школе – в самый раз.

И действительно: все дома шло по-новому. Мать похорошела, помолодела.

Зажили, как полагается людям. Отец совсем поправился, ему разрешили на работу выйти.

Две четверти Денька доверчиво наслаждался невиданным покоем. Утром на завтрак мать варила ему кашу. И еще давала бутерброд с докторской колбасой. Знала, что сын больше всего уважает докторскую, шла сама заранее, покупала и готовила внушительные бутерброды. Он это ценил! Ему ж расти надо, мужиком становиться. Еда нужна, чтоб настоящую силу давала. На булке с молоком далеко не уедешь, хотя и это не худший вариант. И вообще – ему хотелось материнской заботы. А то все один да один. Даже весь первый класс сам себе рубашку гладил к школе. А тут мама – и стирала, и гладила. Как настоящая полноценная любящая мать.

Дениска крепко помнил, что такое плохо, поэтому ценил заботу и радовался каждый день, не забывал.

А на Новый год взяли да сорвались. Оба. И отец, которому ни капли нельзя, иначе смерть, и мать, о которой вообще – что говорить.

И все пошло по-прежнему.

И вот уже весна.

И конца этому нет.

А теперь Денька понимает, что и не будет.

Так что он-то знает: женщины пьют. Еще куда страшнее мужиков. Гораздо. И за то, что у них, у Рыськи с ребятами, мать не пьет, надо каждую минуту судьбу благодарить. Это и есть их главное счастье.

– Поняла? – спросил Дениска Рысю.

Она даже представить себе не могла, как это, когда мама пьяная. Рысю аж передернуло. Она взяла Деньку за руку, как братика, чтоб не так страшно было.

– Давай пообещаем на всю жизнь, что никогда не будем пить. Даже пробовать не станем, – предложила младшеклассница школы с углубленным изучением двух иностранных языков.

– Давай, – согласился ее друг. – И всем твоим велим, чтоб не пили.

– Да они сами не хотят. Они же видят, как это страшно бывает.

– Сейчас не хотят, потом захотят. Пример с отца вашего возьмут и захотят, – резонно заметил Денька. – Пусть каждый день помнят, что пить никогда нельзя.

Они пообещали это тогда, в песочнице. Поклялись самой страшной и верной клятвой: не пить всю оставшуюся жизнь. И еще: что они теперь брат и сестра. И он, Денька, брат всем остальным ее братьям и сестре.

– Ты приходи к нам жить, – предложила Рыся. – У нас на завтрак всегда каша и омлет. И еще какао. Мама готовит. А вечером иногда отец… Готовил… Если не пьяный. Но сейчас не знаю. Я не хочу, чтоб он возвращался. Мне его жалко. И я его люблю. Только мне не хочется с ним жить. Никогда не знаешь, чего от него ждать, устала я.

Так они побратались. Стали назваными братом и сестрой. Как в старых сказках.

Они пошли тогда домой вместе. Так часто случалось и раньше, когда Рыся точно знала, что отец не подведет и вернется домой трезвый.

Птича все спала, правда, температуру сбили. Мама тоже отоспалась, хотя под глазами ее проступали темные полукружья. Но в целом от нее шел покой и умиротворение.

– Мам, я Деньке все рассказала. Про папашу. У него тоже проблемы. Пусть он у нас ночует, а?

– Пусть, – согласилась мама, которая зауважала Дениса с первого взгляда, еще на школьной линейке первого сентября, когда привела своих девочек в новую жизнь, учиться.

Денька вел себя тогда как настоящий джентльмен: пропустил барышень вперед и портфели у обеих взял, чтоб лучше смотрелись со своими огромными букетами и в белых оборчатых фартучках.

Ляля тогда глядела и любовалась: вот это истинный кавалер. А Денька с Рысей еще и за одной партой оказались. Повезло несказанно.

– Пусть, конечно, ночует. Только надо у родителей разрешение спросить.

– Им все равно, – сказал Денька и втянул в себя воздух.

Рыся понимала, что он сдерживает бег слез. Не хочет перед их мамой выглядеть слабаком и нюней.

Мама все поняла. Не стала развивать тему родительского равнодушия, ахать и осуждать.

– Ну, я просто позвоню, предупрежу, оставлю наш номер телефона. Я так обязана сделать, Денис, понимаешь? Таковы правила.

Правила Денька любил. Ценил и уважал. По правилам легко жить. Силы зря не тратятся.

– Хорошо. Спасибо, – согласился он. – Я не насовсем. Но иногда хоть. Передохнуть.

– Мы тебе всегда рады, – заверила мама.

Она любила гостей, у ее родителей был всегда хлебосольный дом, в котором хватало угощений для зашедших на огонек друзей.

Мама тут же позвонила родителям Дениса и сообщила, где их ребенок. Те еще только с работы вернулись и пока что все соображали. Записали телефон. Сказали спасибо. Пригласили тоже заходить на огонек.

Проснулась Птича. Они вместе сделали уроки. Потом Рыся села на свой диванчик почитать и уснула. Уже до самого утра.

Отец неделю не заявлялся. Правда, звонил все время. Чуть ли не каждый час. Иногда говорил с детьми, иногда с Лялей. У всех просил прощения. Каялся.

Ляля ему уже не верила. Что-то в ней надломилось. Она понимала, что пить он не бросит, что будет пользоваться ее добротой и отходчивостью, пока она не уйдет на тот свет.

Тот свет, кстати, все чаще казался ей отличным вариантом. Она невероятно уставала во время этой беременности. Думая о родах, не представляла себе, откуда возьмутся у нее силы, чтобы помочь младенцу появиться на свет.

Муж все звонил и звонил.

Тогда Ляля поставила условие: он должен сделать что-то, чтобы семья поверила, что обещание бросить пить – не очередной пустой треп.

– Хочешь, я зашьюсь? – решительно предложил Артем.

Он и раньше, бывало, в определенном покаянном настрое предлагал вшить ампулу, или, как ее называли, торпеду. Действие ее заключалось в том, что если человек со вшитой торпедой выпивал, он мог сразу отдать концы. Тут или надо было перед выпивкой извлечь торпеду, или уж совсем не пить. Ну, или, конечно, пить и подыхать, как собака.

Ляля всегда отказывалась от такого страшного, на ее взгляд, варианта: уж очень опасным для жизни он ей представлялся. Вдруг муж забудет, выпьет?.. Тогда она будет себя винить в его гибели. Нет, лучше не надо.

Но на этот раз она согласилась. Мало того – уверенно потребовала. Да! Это и был тот самый, решительный и окончательный ход, после которого его можно будет простить.

Они так и договорились.

На следующий же день отец пришел, гордо показывая швы на бедре: вот, мол, обещал и поспешил исполнить.

Мама сдалась.

Рыся почему-то нет. Она столько раз была свидетелем нарушения отцовских клятв, что эти швы ее совсем не убедили.

Она подумала-подумала и снова попросила мать оборудовать им кладовку для жизни.

В принципе в семье давно шли разговоры о том, как бы приспособить кладовку под, например, родительскую спальню.

А что? Чем плохо? Помещение 2×3 метра – шесть квадратов. Потолок, как и везде, высокий, все завидуют. Три шестьдесят! Так вот. Метража вполне хватит, чтобы поставить супружескую кровать и две тумбочки для книг по бокам. Красивые светильники, вешалочки в уголке, зеркало… Вполне обитабельная комната.

Без окна – это минус.

Но в минуты добрых семейных мечтаний отец предлагал сделать под потолком кладовки окошко. Оно выходило бы в гостиную и никому не мешало – наоборот, выглядело бы как подсветка, если гости собирались и создавалась интимная обстановка. Зато появилась бы возможность проветривать кладовку, открыв одновременно окно гостиной на улицу и «окно спальни».

А дверь можно обустроить раздвижную, как в купе поезда. Место сразу сэкономится. Логично? Конечно. Тогда у детей была бы детская, у родителей спальня и плюс общая комната: игровая, гостиная, парадная столовая, когда все собираются вместе с друзьями и родными…

Однако жила семья от потрясения к потрясению. Никак руки не доходили, да и денег особо не было свободных, чтобы демонтировать кладовочные стеллажи, установить новую замысловатую раздвижную дверь, а уж тем более прорубать в стене кладовки окно.

Решили, что имеет смысл подождать появления новенького члена семьи. Когда он родится, семью, конечно, поставят на очередь, они дождутся и переедут в другую квартиру.

Пока можно перекантоваться и так.

Но Рыся, обдумывая возвращение отца, почему-то именно после эпизода с пистолетом неотступно мечтала о кладовке. О ее спасительной темноте, о ее полках, на которые можно забраться и спрятаться. Кладовка казалась девочке вполне надежным убежищем.

Вот она и попросила маму отдать им это зазря пропадающее помещение. Они просто будут уходить туда и заниматься своими делами, когда отец надумает в очередной раз бушевать.

– Так он же теперь не может, – удивилась мама. – Он же если выпьет, погибнет.

– Это ваши с ним дела, – уклончиво ответила Рыся. – А мое дело – спокойно вечерами уроки делать.

Мать недолго подумала и согласилась.

На следующий же день после разговора с дочерью Ляля вызвала сантехника Холина. Был у них такой спасатель. Мастер на все руки. Достаточно позвонить в жэковскую диспетчерскую и сказать, что в ванной течет кран. Через какое-то время заявлялся красноносый добродушный работяга. Менял прокладку в смесителе (кран все равно тек практически всегда), а потом спрашивал у хозяйки, чего еще надо сделать по дому. Он умел все. Быстро чинил, приводил в порядок, денег брал за труды совсем немного.

На этот раз мама попросила его врезать в дверь кладовки замок, чтоб он мог снаружи закрываться на ключ и изнутри защелкивался бы на задвижечку.

Не задавая лишних вопросов, Холин отлучился на пятнадцать минут и вернулся именно с таким замком, о котором просила Ляля. Он надежно укрепил дверь, умело врезал замок. Потом вынес из кладовки все-все. Правда, там ничего особенного и не хранилось – лыжные ботинки, старые игрушки, зимние вещи летом, да на верхних полках лежали свернутые матрасы для гостей. Это еще от Лялиных родителей осталось, теперь-то у них какие гости? Места для гостей совсем не оставалось.

В результате действий мастера в кладовке остались прочные голые стеллажи, напоминавшие нары. Или ярусы в казарме. Три яруса. Углом. Опоры из толстенного бруса. Надежно строили во времена младенчества Лялиных родителей.

Потом мастер-спаситель снял с верхотуры матрасы, расстелил их на полках, мама принесла красивые летние полотняные покрывала, разбросала подушки, которые весной увозили на дачу для тамошних диванов, а на зиму забирали в город от воров. Еще поставили торшер и складной столик: его обычно раскладывали, когда приходили гости, чтобы тарелки, приборы, салфетки и мелкие закуски оказывались под рукой. Теперь это сделался рабочий стол.

Все четверо детей прекрасно разместились на нижних полках: мальчишки рядышком, а Рыся и Птича валетом. Второй этаж, тоже красиво застеленный, со множеством подушек, определили как место для чтения и игр, пока другие внизу занимаются уроками или спят. Кроме того, на втором этаже с удобством мог расположиться Денька. Оставался еще и третий ярус, совершенно свободный, они еще не придумали для чего.

Потренировались запираться изнутри – проще простого. Мама отпирала их снаружи ключиком. Легко. Без ключа проникнуть в кладовку теперь не мог никто.

Ну что ж. Убежище так убежище. Мама даже повеселела. Мало ли что случится с ее мужем, мало ли что ему взбредет в голову. Вдруг он решит вынуть эту свою торпеду. Напьется опять. По крайней мере, дети окажутся в безопасности.

Кладовка обжилась мгновенно, за считаные минуты. Натащили туда любимые книги, игры. И тут же возник там особый мир, надежный, добрый и безопасный. Так чувствовали все, кому случалось переступить порог их убежища. Но таковых было совсем мало. Тайна на то и тайна, чтоб о ней почти никто не знал.

Отец между тем держался молодцом. Не давал поводов для волнений и страхов. Приходил домой вовремя, помогал маме с мальчишками (сестры его стали инстинктивно сторониться, ничего не могли с собой поделать, но он, похоже, этого не замечал).

Однажды за ужином отец рассказал, что делал сегодня операцию одному видному священнику. Операция несложная, все прошло удачно. Артем говорил, как волновался, чувствуя ответственность. Хотя ведь и за всех больных чувствуешь, но в этом больном ощущалось что-то совсем особенное: сила, покой, доброта.

– Я вот подумал: не покреститься ли нам всем? – произнес задумчиво он, с интересом ожидая, как отреагирует семейство на неожиданное предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.